

ГЕОПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Виктор Алексеевич БУРЛАКОВ,
кандидат политических наук, ВГУЭС

В российской научной традиции длительное время не было комплексной системы знаний, адекватной геополитической теории. Каждая из наук с близким к геополитике предметом исследования специализировалась на узком перечне проблем геополитического характера. Это в значительной степени отразилось на процессе включения геополитики в сферу российской политической науки. Уже в силу этого можно констатировать, что складывание современной российской геополитической традиции — процесс неоднородный. Его особенность состоит в том, что система геополитических концепций преломляется сквозь призму предмета исследования научной дисциплины, в рамках которой российские учёные осуществляли разработки геополитического характера. В соответствии с этими особенностями их условно можно разбить на ряд направлений.

Прежде всего это геополитические исследования прикладного и теоретического характера в рамках теории международных отношений. В этом направлении работают такие авторы, как А.Д. Богатуров, С.А. Косолапов, С.В. Лурье, В.П. Ощепков, Э.А. Поздняков, К.Э. Сорокин, П.А. Цыганков и др. Это вполне естественно, поскольку предмет исследования теории международных отношений практически вплотную примыкает к предмету исследования геополитики. Применение геополитического подхода в изучении международных политических отношений открывает перед современными российскими учёными-международниками новые перспективы для более взвешенного и всестороннего анализа политических процессов мирового значения. Однако в данном случае геополитика выступает лишь в качестве дополнительного теоретического инструмента, большинство учёных низводят её до уровня одной из концепций в системе теории международных отношений. Характерно определение геополитики как совокупности «...физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих тот потенциал, использование которого (а в некоторых случаях даже просто его наличие) позволяет ему добиться своих целей на международной арене»¹.

Второе направление геополитических исследований в современной России представлено работами учёных отечественной философской школы, которые стали в нашей стране пионерами политической науки, активно заимствуя и интерпретируя зарубежную политологию. Кардинальное отличие их исследований заключается в том, что геополитика в них выступает не в качестве вспомогательного фактора прикладного анализа, а как полноценная доктрина, ставящая своей основной задачей комплексное исследование всей совокупности политических явлений. Исходя из данных концепций учёные пытаются осмыслить положение новой России и найти императивы, на основе которых было бы возможно строить отношения с внешним миром. Естественно, что подобные направления имеют ярко выраженный философский характер. В числе активно работающих учёные К.С. Гаджиев, М.В. Ильин, А.С. Панарин, К.В. Плешаков, В.Л. Цымбурский и др.

Следующее направление геополитических исследований представляют Д.Н. Замятин, Н.С. Мироненко, В.А. Колосов, В.Б. Тихомиров, Р.Ф. Туровский и др. Характерная особенность их работ состоит в том, что они практически вплотную примыкают к сфере политической географии, и геополитический анализ строится на основе тех методов, которые свойственны географической науке. В этом случае можно говорить о процессе «политизации» географии. Иллюстрацией такого утверждения может быть попытка представителя политической географии В.А. Колосова сформулировать основные положения так называемой «географической» геополитики². Современная динамичная эпоха стала причиной того, что все бывшие геополитические константы (географическое положение, расстояние и геопространство, территориальная расстановка политических и военно-стратегических сил в мире) подвержены изменениям. Однако в целом значение геополитических факторов не стало меньше. В попытке понять эти изменения, по мнению Колосова, и состоит суть «географической» геополитики. Еще более конкретен Р.Ф. Туровский, который констатирует: «Геополитика — это научная дисциплина, входящая в политическую географию»³.

Получив признание в научной среде, геополитика становится «модным» термином и прочно входит в лексикон современных российских политиков, проявляющих живой интерес к геополитике. В Государственной думе Российской Федерации II (VI) созыва даже функционировал комитет по геополитике. Ряд политиков (С.Н. Бабурин, В.В. Жириновский, Г.А. Зюганов, А.В. Митрофанов, А.И. Подберезкин) неоднократно высказывали суждения геополитического характера. К этому же направлению примыкает система геополитических воззрений такого автора, как А.Г. Дугин, и политико-идеологическое движение «новых евразийцев». С «геополитическим» жаргоном отечественных политиков Дугина роднит, прежде всего, характер его исследований. Геополитика в его трактовке представляет собой скорее идеологический, нежели научный конструкт. В этом случае сходство с доктринами российских политиков

очевидно. Последние также делают основной упор не на научную разработку проблемы, а на идеологическое благозвучие своих концепций.

Концепции Дугина имеют функции, свойственные главным образом идеологии, и их роль можно ограничить попыткой сформировать в российском обществе определенный образ геополитического мышления. В силу этого их научное значение минимально.

Как уже ясно, процесс складывания геополитики отразился на понимании её как науки, в том числе определении самого термина «геополитика» и сущности предмета её изучения, и в свою очередь различия в подходах понимания места и роли современной России в системе международных отношений. По сути, весь процесс внедрения геополитики в систему российской политической науки — это череда споров о том, что представляет собой данная наука, как её необходимо использовать и применима ли она к анализу отношений между государствами. Например, стремление широко и подробно использовать геополитический подход в исследовании международных отношений натолкнулось на слабое понимание самой сущности этой науки.

Дать определение термину «геополитика» оказалось далеко не просто. Именно это и послужило основанием для утверждения, что невозможно найти «чёткую и всеобъемлющую формулировку геополитики»⁴. **Во-первых**, потому что в интерпретации российских геополитиков такая наука предстает в виде сочетания двух ипостасей. Так, Поздняков выделял доктринально-нормативную и оценочно-концептуальную геополитику⁵, Н.С. Мироненко — культурно-психологическую и концептуальную⁶, К.В. Плешаков — «классическую» и «ревизионистскую»⁷. Основным критерий выделения двух аспектов состоит в идеологическом наполнении каждого из них. В первом случае геополитика представляет собой некий поведенческий стереотип, функционально значимый в рамках определенной (прежде всего национал-социалистской) идеологии. Во втором случае геополитика предстает определенной проблемной областью политической науки, концентрирующей внимание на измерении силовых показателей (в том числе и географических) какого-либо актора международно-политического процесса.

Во-вторых, геополитика справедливо идентифицировалась российскими исследователями и как политическая практика, и как научно-методологическая концепция⁸.

При подобном многоплановом понимании дать чёткое определение этой науке можно только в связи с выделением комплекса проблем, являющихся специфическими именно для геополитической науки (т.е. с предметом её исследования).

Одна из первых идей, которая была сформулирована российскими учеными и состояла в том, что главной проблемой геополитики является достижение и сохранение контроля над пространством со стороны какого-либо государства⁹. Естественно, что при этом контроль мыслился не в примитивных военно-силовых формах, а был существенно дивер-

сифицирован, его достижение представляло собой многовекторный процесс, не сводимый к установлению прямого воздействия на сопредельные территории. Другая идея состояла в том, чтобы расширить предмет геополитики, придав ей форму комплексной дисциплины о многоуровневой глобальной политике¹⁰. В таком ключе она должна была бы отойти от жёсткой пространственной привязки, ориентации на экспансионизм и гегемонию исследовать основополагающие реальности современного мирового сообщества.

Естественно, обе точки зрения не были неуязвимы для критики. Но на первоначальном этапе развития геополитики в России они являются двумя основными полюсами, между которыми вместились все другие воззрения на предмет геополитической теории. Как справедливо заметил Э.Г. Соловьев, основным объектом осмысления для российских учёных стали «...либо эклектические построения современных западных правых, методологически опирающиеся на положения изрядно устаревшей традиционной геополитики, либо сами классические концепции»¹¹.

Подобное понимание отразило очень важную проблему начального этапа становления геополитики и её институционализации. Традиционная геополитическая система подходов и концепций уже была не в состоянии произвести адекватный анализ действительности конца XX — начала XXI в. Возникла определенная дилемма: если сконцентрировать внимание исключительно на классических (или близких к ним) геополитических концепциях, то никто не сможет дать полной гарантии возможности рационального решения проблем современной российской внешней и внутренней политики. Если же попытаться по-новому интерпретировать геополитику или переосмыслить её базовые компоненты, то не будет ли это отказом от геополитического подхода? Логическим выходом из сложившейся ситуации стало более критическое рассмотрение самой геополитической науки и попытка синтеза новых геополитических концепций, тем более, что её фундаментальные основы были в целом осмыслены и систематизированы.

В первоначальный период институционализации геополитики в России она в целом не подвергалась сомнению и в общем оставалась вне критики. В процессе же формирования основных российских теоретических школ международных отношений критика стала более конструктивной. Наглядным примером являются воззрения российского учёного-международника Н.А. Косолапова¹², который указывает на ряд методологических пробелов. В современном мире, по мнению учёного, происходит процесс размывания сущности государства, перехода ряда его внешнеполитических функций общественным структурам. Кроме того, сама геополитика ориентируется на высшую форму государства — империю в различных своих проявлениях. Империи же стремятся только к конфронтации, а современные международные процессы строятся на принципах взаимодействия. Происходящие процессы глобализации, в сущности, отрицают геополитику. Данные утверждения не бесспорны, но

указывают на одно важное обстоятельство: эта наука, как её понимали российские учёные в 1990-е гг., неадекватно описывает современный мир и соответственно не может дать правильных рецептов. Строить анализ исключительно на детерминистских и дуалистических концепциях начала XX в. уже невозможно.

Западная послевоенная геополитика в значительной степени эволюционизировала в сторону анализа проблем пространственно-политической организации международного сообщества. В России этот процесс только набирает обороты. К числу авторов, пытающихся реформировать геополитику в соответствии с потребностями современной ситуации, можно отнести В.А. Колосова, Н.С. Мироненко и Р.Ф. Туровского. Эти учёные работают в рамках политической географии и включают геополитику в её орбиту. Именно поэтому она в их интерпретации предстает в «географизированном» виде: все больше воспринимает теоретические конструкции географии и географическое, а не политическое понимание пространства. Геополитика, по Мироненко, выявляет «...объективно существующие пространственные целостности, имеющие политический смысл»¹³. Этим она соприкасается с политической географией, но кардинально отличается от неё планетарным характером масштаба исследований.

Сегодня сами политгеографы указывают на то, что выработанная на основе географических закономерностей политика того или иного государства уже не может носить абсолютного характера. Так, Д.Н. Замятин вводит понятие «геополитический образ» или «...целенаправленные и четко структурированные представления о географическом пространстве, включающие наиболее яркие и запоминающиеся символы, знаки, образы и характеристики отдельных территорий стран, регионов, маркирующие их с политической точки зрения»¹⁴. Государство в этой связи осуществляет свою внутреннюю и особенно внешнюю политику, исходя из набора господствующих в данный исторический момент геополитических образов. Тем самым Замятин поднимает очень важный вопрос: если географическое пространство влияет на политику государства, то насколько оно само реально? Понимание пространства — это наше восприятие и осознание его через систему образов. В этом случае географическое пространство всего лишь образ, а потому оно условно, а геополитика предстаёт как деятельность по моделированию географических и геополитических образов ключевых в политическом отношении стран.

Предложенная концепция не нова и в ряде положений перекликается с идеей «геоидеологических парадигм» Плешакова и «геополитических кодов» Дж. Гэдиса. Напрашивается вывод: географическое пространство политически нейтрально по своей природе, и только отдельные составляющие начинают приобретать значение и влиять на политику государства только в силу какой-либо функциональной его деятельности. Причём степень влияния этих факторов, в сущности, определяется самим государством.

На этапе «разброда и шатания» в оценке самой геополитики как науки и ее изучения интересным явлением стало появление большого количества учебников и учебных пособий. Это обстоятельство, на наш взгляд, подчёркивает факт, что геополитика ещё не сформировалась как комплексная наука и каждый из авторов стремится по-своему её определить. В результате геополитика превращается в некий конгломерат абстрактных категорий, понятий и концепций, слабо поддающихся формализации, а потому бесполезных в рамках формирования стратегии поведения государства и схоластически ненужных в процессе изучения. В лучшем случае геополитика воспринимается как некая парадигма, позволяющая хотя бы частично объяснить внешнеполитическую линию поведения государства. Это просто отвлечённое философствование на пространственно-политическую тематику, абсолютно лишённое какой-либо связи с реальностью. Опасность состоит в том, что в России геополитика все ещё воспринимается как некий «пустой сосуд», который можно наполнить любым содержанием в зависимости от вкуса автора. Такая форма «без содержания» представляет хорошую основу для различного рода спекуляций, но не даёт возможности осуществить анализ конкретной проблемной ситуации.

Пытаясь уйти от этого, российский исследователь А. Изгарская¹⁵ предложила использовать для формирования целостной геополитической науки методологический подход И. Лакатоса. Следуя её логике, попытаемся сформулировать основания геополитики, её паттерны, составляющие, таким образом, «твёрдое ядро программы». Исходя из подхода И. Лакатоса, можно сделать вывод, что первым таким постулатом является примат государства в анализе системы международных отношений. Именно государство исходный пункт и ключевая категория геополитических построений.

Однако следует сделать существенную оговорку. Классическая геополитика строила понимание категории государства на основе представлений Р. Челлена, который в этом вопросе явно находился под влиянием органицизма Г. Спенсера и идеализма Г.В.Ф. Гегеля. Отсюда апологетика государства и представление о его сбалансированном развитии. В такой интерпретации государство предстает неким атомом — самодостаточным образованием, способным взаимодействовать с себе подобными.

Такое представление о государстве хорошо вписывалось в практику международных отношений первой половины XX в. с Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской системами. Однако во второй половине XX в. происходило размывание этой концепции, что наглядно прослеживается в ходе процессов деколонизации. Основная задача практически всех национально-освободительных движений в колониях состояла в том, чтобы не быть частью империи, причём на любых условиях. Процесс деколонизации практически везде сопровождался кровопролитными войнами, поражениями экономики, развалом сложившейся инфраструктуры. Даже такой сравнительно мирный процесс, как освобождение Индии, обошёлся этой стране, по разным оценкам, от 200 тыс. до

1 млн. жизней индийцев и пакистанцев¹⁶. В большинстве случаев возникли государства с этнически и религиозно неоднородным населением, значительным запасом внутренних потенциальных конфликтов и неразвитой экономикой. Все это сопровождалось установлением жёстких авторитарных режимов¹⁷. Можно подумать, что шло чуть ли не сознательное противодействие челленовскому идеалу государства, а именно разрушение мощных самодостаточных империй.

Не оправдавшая себя идея, естественно, подверглась существенному переосмыслению. Если теоретики школы политического реализма продолжали челленовскую традицию в форме идей его американского интерпретатора Н. Спикмена, то их последователи 1970-х гг. уже встраивали государство в сложную систему межгосударственных отношений и, в сущности, идентифицировали его как коммерческую фирму, действующую в своих интересах, конкурируя с одними и сотрудничая с другими. Еще дальше пошли последователи школы неолиберализма, реанимируя договорное понимание государства в духе Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Нивелируют значение государства и ставшие популярными с 1990-х гг. концепция глобализации, впервые сформулированная Р. Робертсоном, и идея С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций».

Однако на сегодняшний день в мире насчитывается 194 государства, более половины которых получили независимость во второй половине XX в. В большинстве случаев взаимоотношения между ними являются определяющими и лишь дополняются контактами неполитического характера. Даже в таком глубоко интегрированном образовании, как Европейский Союз, сохраняются государственные особенности.

Очевидно, что сохранение государств остаётся жизненной необходимостью, которая проявляется во внутренней сущности; её М. Вебер определил как «...отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное... насилие как средство»¹⁸. В таком понимании государство было включено в систему геополитики американским политологом Р. Коллинзом, и именно в таком понимании оно может выступать в качестве геополитической категории.

Вторым важным постулатом «твёрдого ядра» геополитики является признание, что как внутренняя, так и внешняя политика имеет четко выраженное пространственное измерение. Любое государство в своей деятельности привязано к пространству, прежде всего в географическом его понимании, а потому коррелирует своё поведение заданными пространственными особенностями и, наоборот, обустроивает пространство в соответствии со своими устремлениями.

Вопрос привязки деятельности государства к пространству представляется проработанным в меньшей степени. Российские геополитики, оперируя абстрактными моделями, зачастую игнорируют эту проблему. Между тем проекция поведения государства на пространство делает возможной формализацию геополитических теорий, что в значительной степени повышает качество геополитического анализа. Пожалуй, Н. Спикмен был одним из первых, кто указал на значимость пространственной

составляющей в политике государств. Политические реалисты взяли его идеи на вооружение, несколько их расширив. Но в последующем они сконцентрировали внимание на анализе силовых параметров государств и обеспечении баланса сил, отойдя от определения значимости географического пространства.

Для характеристики отправного пункта политики любого государства Г. Моргентау вводит понятие «национальный интерес». При всей кажущейся естественности данной категории она остаётся наиболее абстрактной и наименее определённой, споры о её сущности продолжаются до сегодняшнего дня. Восходящий к идеям Великой французской революции классический подход к определению данной категории предполагает существование нации-государства, основным элементом которого является гражданское общество. Нация, под которой, собственно, и понимается гражданское общество, является тем субъектом, который формулирует весь набор национальных интересов. Напрашивается вывод, что при отсутствии развитых структур гражданского общества не может быть и адекватно отображенной системы национальных интересов: «нет „нации“ — не может быть и „национальных интересов“»¹⁹. Однако этот вывод способен завести исследователя в тупиковое положение. Ибо, с одной стороны, признаётся наличие феномена «национальных интересов», а с другой — констатируется, что целый ряд государств, не обладающих признаками развитых гражданских отношений, не могут рассматривать национальный интерес в качестве императива своей внешней политики.

Не даёт ответа на вопрос о сущности категории национального интереса и попытка определения нации не с этатистских, а с этнических позиций. В этом случае национальными признаются интересы доминирующего в государстве этноса, совпадающие с интересами правящей элиты. Но говорить об общем для всех национальном (в этническом смысле) интересе возможно только, если речь идёт о моноэтнических государствах, которых не так уж много. Но даже в этом случае необходимо учитывать, что любая нация дифференцирована по социально-экономическому и территориальному признакам, которые значительно корректируют интересы каждой её части.

Учитывая несостоятельность обозначенных выше подходов к определению сущности категории национальных интересов, учёные попытались определить постоянные факторы, формализующие категорию «национальный интерес». Таковым признаётся государство, которое рассматривается в качестве основного средства их выражения, выступая важнейшим организационным институтом общества. Следовательно, на государство ложатся функции воплощения, выражения и защиты интересов последнего. Здесь логичнее говорить не о «национальных», а о «национально-государственных» или просто о «государственных» интересах, ибо таковые возникают в момент единства интересов государства и общества. Но в этом случае остается неразрешенным вопрос о способности государства формулировать собственные интересы.

Если взять за основу веберовское понимание государства, то данная категория видится в несколько ином измерении. Единственной структурой, способной сформулировать национальные интересы, является политическая элита, которая и делает это в целях легитимации собственного политического господства. Национальный интерес тогда предстает не глубинным устремлением народа, высказанным его лучшими представителями, а сформулированной элитой идеей, вокруг которой концентрируется все общество или его значительная часть. На основе признания идеи происходит легитимация политической власти элиты. При этом «национальный интерес» теряет свой объективный характер и предстает в виде субъективированной системы воззрений, которая нередко выступает в форме составной части какой-либо политической идеологии. Иными словами, национальный интерес — это в значительной степени интерес господствующей в данном обществе политической элиты, но принимаемый большинством членов этого общества.

Смена элиты предполагает и смену национального интереса, при этом любая политическая элита стремится монополизировать право на трактовку национального интереса и распространить её на максимально возможное число членов общества. Но так как последние не концентрируются на какой-либо ограниченной территории, а расселены в зависимости от условий хозяйствования, то распространение элитой идей ставится в зависимость от развитости административной инфраструктуры и сети коммуникаций (что очень важно), в рамках которой транспортная инфраструктура до сих пор занимает ключевое положение. Поэтому деятельность элиты по реализации национального интереса будет иметь во многом пространственное измерение. Здесь мы подходим к категории контроля, характеризующей пространственное преломление политики государств. В сущности, она определяет степень способности национальной элиты легитимировать своё господство на той или иной территории.

Ряд российских исследователей²⁰ признают категорию контроля ключевой категорией геополитики. К сожалению, они не дают этой дефиниции чёткого определения, что снижает её аналитическое значение. Попробуем поставить вопрос о сущности категории контроля, используя исторические примеры, в частности из колониальной истории Великобритании.

Так, в ходе войны за независимость Соединённых Штатов Америки 1776—1783 гг. численность британской армии на Североамериканском континенте составляла к 1781 г. 56 тыс. чел. Тогда как в армии Дж. Вашингтона вследствие значительной текучести никогда не состояло более 20 тыс. чел. Армии, формировавшиеся в отдельных колониях, не имели серьезного военного значения, ибо действовали на милиционной основе. К тому же британские войска были хорошо организованы, вооружены и имели лучшее снабжение²¹. Несмотря на значительное превосходство, Великобритании не удалось сохранить контроль над колониальными территориями.

В 1857 г. в британской Индии вспыхнуло восстание сипаев, индийских наемников Ост-Индской компании. В начале года в Бенгальской армии, в которой и вспыхнул мятеж, служило 139 807 «туземцев»-сипаев, возглавляемых 26 089 европейцами. Верными британской короне остались только 7796 сипаев, остальные направили свои силы против империи. Общее число восставших точно определить невозможно. Показательным является штурм Дели, предпринятый англичанами 19 сентября 1857 г., когда 40-тысячное войско сипаев было разгромлено 6000 британцев²². Английский контингент, действовавший против восставших, не превышал 30 тыс. чел., однако этого оказалось достаточным, чтобы сохранить контроль над страной со 150-миллионным населением и удерживать его еще на протяжении 90 лет. Совершенно очевидно, что предложенные выше примеры утраты и сохранения контроля в меньшей степени определялись силовыми характеристиками. Речь должна идти о пространственном понимании контроля.

Интересную концепцию, раскрывающую механизмы территориального контроля, предложил американский исследователь А. Стинчкомб²³, понимая способность политической элиты перебросить на какую-либо территорию такое количество ресурсов, которого было бы достаточно для легитимации элиты. Естественно, в этом случае первичным является пространственная удалённость территории и развитая транспортная сеть.

Близкую к концепции Стинчкомба идею предложил российский геополитик С.Б. Переслегин. С его точки зрения, «...динамическая форма “транспортной теоремы” утверждает, что сохранение единства полицентрического государственного организма возможно тогда и только тогда, когда развитие общеимперской инфраструктуры опережает экономическое развитие регионов»²⁴. В этом случае способность элиты контролировать части империи зависит от скорости перемещения информации внутри государства и длительности процессов, подлежащих управлению. Естественно, что в подобных условиях приоритет в контроле пространства опять отдаётся развитой транспортной инфраструктуре.

Итак, категория контроля над пространством в меньшей степени характеризуется сложившимися в государстве политической или экономической системами и военным потенциалом. Контролировать какую-либо территорию, значит, иметь возможность постоянно (а не эпизодически) перемещать туда такое количество ресурсов, которого достаточно для легитимации элиты, причём неважно, является ли она национальной или инациональной. Формы легитимации могут приобретать совершенно различный характер, и потому может показаться, что и формы контроля также различны. Например, Плешаков выделяет семь основных форм контроля над пространством: политический, военный, экономический, цивилизационный, коммуникационный, демографический и информационный²⁵. Однако вне зависимости от формы внутреннее содержание категории остается неизменным.

Очертив «твёрдое ядро» геополитики и обозначив наиболее значимые постулаты, составляющие её методологическую базу, можно произвести

ревизию тех положений геополитической теории, которые либо изначально носили конъюнктурный характер, либо уже утратили своё значение в рамках анализа современной действительности. Проведение подобной ревизии всегда чревато опасностью субъективизма. Окончательное решение вопроса о принятии или непринятии каких-либо геополитических концепций всегда остаётся за конкретным исследователем. Преодолеть этот момент невозможно. Смягчить его реально лишь путём вытеснения старых концепций новыми, более состоятельными. Именно в этом ключе и необходимо проводить ревизию геополитики.

Оставляя за скобками всю дискуссию о возможных подходах к ревизии геополитической теории, можно выделить три основных направления, которые должны определить характер будущих геополитических исследований:

- отказ от жёсткого детерминизма в описании политики того или иного государства;
- пересмотр определяющей роли географического пространства, что, в сущности, предполагает процесс «деполитизации» пространства;
- переход от глобальных геополитических моделей к региональному уровню геополитического анализа.

В первоначальный период формирования геополитической теории (конец XIX — начало XX в.) использование географического детерминизма в риттеровском его понимании представлялось наиболее оправданным, так как позволяло достаточно чётко интерпретировать поведение ведущих мировых империй. В наибольшей степени детерминистский подход наблюдается в двух основных геополитических дихотомиях, характеризующих глобальный уровень межгосударственных отношений: «хартленд — римленд» Маккиндера и Спикмена и «талассократия — теллурократия» К. Хаусхофера. В соответствии с ними политика государства и его положение в мире определялись исключительно его принадлежностью той или иной части пространства планеты. Однако уже Х. Маккиндеру пришлось дважды корректировать свою концепцию, приравливая её к меняющимся политическим условиям. А несколько позже С. Коэн уверенно обосновал несостоятельность примитивного дуализма классических геополитиков, поставив под сомнение саму возможность объективной зависимости между местоположением и политическим курсом.

Во многом основываясь на спикменовском понимании природы международных отношений, теоретики школы политического реализма также отходят от детерминистского подхода. В их воззрениях географическая составляющая продолжает играть определённую роль, но далеко не самую существенную. Географическое положение государства лишь один из факторов, характеризующих его национальную мощь. Наиболее серьёзный удар по географическому детерминизму как основанию геополитической теории нанесла новейшая французская геополитическая традиция, разрабатываемая исследователем И. Лакостом и авторами журнала «Геродот». Географический фактор в интерпретации сторонников данной традиции предстаёт как опосредованно влияющий на политику государства²⁶.

Сегодня отстаивание тезиса о детерминированности политических процессов связанного с ним дуалистического понимания природы международных отношений представляется как попытка идеологического, нежели научного обоснования международных процессов. Но в идеологическом контексте геополитика теряет своё значение как основа для анализа заявлением о том, что «геополитика — это мировоззрение»²⁷; российский исследователь А. Г. Дугин, в сущности, выводит геополитику из научной сферы, и она консервируется в качестве формы, которую в зависимости от исторических условий можно наполнить любым содержанием. Это удобно для паранаучных спекуляций, но не для комплексного анализа международных отношений.

Отход от детерминизма вообще и географического в частности требует пересмотра теоретико-методологического понимания пространственного основания геополитики. Выше уже обосновывался тезис о пространственной проекции политических действий государства. Важно подчеркнуть, что пространство не должно рассматриваться причиной этих действий. Политические элиты государств формируют вектор своего поведения, исходя из собственных интересов, слабо связанных с географическими факторами. Конечно, не учитывать эти факторы нельзя, но их значение определяется прежде всего целенаправленной деятельностью. Само географическое пространство политически нейтрально, и один и тот же фактор в зависимости от деятельности политических сил может иметь противоположное функциональное значение.

Разумнее остановиться на понимании географического пространства как некой среды, в которой действуют акторы политических отношений. Его влияние носит опосредованный характер. Набор географических факторов — это своеобразные ограничители, которые необходимо принимать во внимание, осуществляя те или иные действия. Завоёвывающий популярность в среде российских геополитиков образ географического пространства как некоего «игрового поля» очень хорошо характеризует новое понимание его роли в геополитике. Другое дело, что это поле (или своеобразная шахматная доска) «...не расчерчена так строго, как шахматная доска. Нельзя сказать, что она никак не расчерчена, потому что на ней есть горы, долины, реки, традиционные торговые пути и перекрёстки, живут народы и племена, имеющие различную культуру и различный характер. Любое геополитическое действие не может не принимать в расчёт этих обстоятельств»²⁸.

Важно учитывать, что такое изменение понимания пространственной составляющей увеличивает влияние географической науки на геополитику. География с начала XX в. сделала существенный научный прорыв, перешагнув хронологический подход К. Риттера и дойдя до уровня концептуальных обобщений. В её рамках были сформированы новые теоретические концепции (например, концепции поляризованного развития, опорного каркаса расселения и др.), которые не нашли пока должного отражения в геополитической науке. Геополитика, претендуя на поиск закономерных связей между деятельностью государства и географического

пространства, просто не может оперировать географическими подходами начала прошлого века. Сегодня она должна заново учиться географии.

Изменение теоретико-методологического понимания географического пространства существенно подрывает аналитическое значение большинства глобальных геополитических моделей. В сущности, уже становится невозможным формулирование какой-либо модели миропорядка, объясняющей весь комплекс отношений между государствами. В этой связи можно согласиться с российским исследователем Э. Г. Соловьёвым, который утверждает, что «сегодня при геополитическом теоретизировании имеет смысл перенести акценты с глобальной картины (исследований миропорядка) на, если можно так выразиться, «теории среднего уровня». Оптимальной единицей анализа мог бы стать геополитический регион как некая геополитическая, геокультурная и геоэкономическая целостность, демонстрирующая динамический момент в геополитическом анализе...»²⁹

Именно регион как сложный комплекс политических устремлений различных государств, привязанных к конкретным географическим структурам, должен занять центральное место в геополитическом анализе. Понятие «геополитический регион» в научный оборот ввёл американский геополитик С. Коэн. В своей книге «География и политика в разделенном мире» он определяет это понятие как крупные подразделения географических сфер, сравнительно однородные по экономическим, политическим и культурным признакам³⁰. В такой интерпретации геополитический регион предстает в качестве пространственно-цивилизационных образований, объективно задающих внешнеполитический вектор составляющих его государств. Это, скорее, продолжение дихотомии «хартленд — римленд», нежели реальная расстановка политических сил на мировой арене.

Если принять за основу политическую нейтральность пространственной составляющей, т.е. перевести вопрос влияния географических факторов из сферы непосредственного воздействия на политику государства в сферу их опосредованного влияния, то геополитический регион предстает пространственным экономико-политическим комплексом трансграничного характера с набором взаимопересекающихся национальных интересов. Это своего рода поле, на котором сходятся политические устремления сопредельных государств, движимых собственными интересами. В результате можно было бы определить геополитику как науку, изучающую законы и закономерности преломления внешней и внутренней политики государства в географическом пространстве. Пространственное измерение политики должно стать предметом геополитической науки. Речь идет не о том, что пространство влияет на политику, а о том, что политика не может не иметь пространственного выражения. Однако то, как политика преломлялась в географическом пространстве, к сожалению, сегодня всё чаще остаётся вне рамок геополитики.

С формированием и развитием целого комплекса идей, касающихся отношений между государствами, геополитика не могла не изменить-

ся. Только встраивание её в современную систему научно-гуманитарных парадигм способно сохранить и придать ей необходимый импульс для развития. Это в полной мере относится и к российской геополитической традиции. Задержавшись на старте, российская наука сегодня достаточно активно впитывает геополитические конструкции западных исследователей. Чтобы не оказаться на свалке идей, геополитика в России должна преодолеть внутренние противоречия и выработать необходимый теоретический инструментарий научного анализа. В этом случае реальные действия Российского государства будут основываться не на волюнтаризме вождей и сиюминутных проблемах, а на фундаментальной теоретической основе.

-
- ¹ Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопросы философии. 1994. № 7—8. С. 63.
  - ² См.: Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества: автореф. дис. ...д-ра геогр. наук. М., 1992. С. 16—17.
  - ³ Туровский Р.Ф. Политическая география. Москва; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. С. 31.
  - ⁴ Поздняков Э.А. Геополитика. М.: Прогресс — Культура, 1995. С. 42.
  - ⁵ См.: Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: теория и практика. М., 1993. С. 45.
  - ⁶ См.: Мироненко Н.С. Теория «хартленда», целостность России и демократия (географический аспект) // Геополитические и геостратегические проблемы России. СПб., 1995. С. 23—25.
  - ⁷ См.: Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. № 10. С. 30.
  - ⁸ См.: Разуваев В.В. О понятии «геополитика» // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования, 1993. № 4.
  - ⁹ См.: Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен; Семёнов В. Геополитика как наука // Власть. 1994. № 8.
  - ¹⁰ См.: Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997; Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996.
  - ¹¹ Соловьев Э.Г. Геополитический анализ международных проблем современности: pro et contra // Полис. 2001. № 6. С. 117.
  - ¹² См.: Косолапов Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2003. № 4.
  - ¹³ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 24.
  - ¹⁴ Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 325.
  - ¹⁵ См.: Изгарская А. Социально-философская реконструкция: Ревизия геополитических концепций // Война и геополитика: Альманах «Время мира». Новосибирск: НГУ, 2003. С. 265—267.
  - ¹⁶ Аптон Р. Утраченная жемчужина [Электронный ресурс] // Независимость и разделение Индии. Режим доступа: www.2india.ru/index/shtml/?/history/putnik2/41putnik
  - ¹⁷ Интересно отметить, что исключением не стала и дезинтеграция СССР. Комплекс проблем во всех бывших советских республиках нашёл своё проявление. Даже благополучная Балтия не избежала катаклизмов. Причём Россия как ядро «советской империи» столкнулась с совершенно другим по характеру комплексом проблем.

- ¹⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.
- ¹⁹ Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой» // Полис. 1995. № 1. С. 97.
- ²⁰ См.: Изгарская А. Социально-философская реконструкция; Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен; Семёнов В. Геополитика как наука // Власть. 1994. № 8.
- ²¹ История США. В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Наука, 1983. С. 152—153.
- ²² История Индии: (краткий очерк). М.: Мысль, 1973. С. 378—379.
- ²³ Стинчкомб А. Геополитические понятия и военная уязвимость // Война и геополитика: Альманах «Время мира». Новосибирск: НГУ, 2003. С. 288—300.
- ²⁴ Переслегин С.Б. Самоучитель на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. С. 56.
- ²⁵ Плешаков К. Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии 1949—1991 гг.) // Российский научный фонд: науч. докл. М., 1994. Вып. 21. С. 17—21.
- ²⁶ См.: Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. С. 138—141.
- ²⁷ Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 12.
- ²⁸ Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 85.
- ²⁹ Соловьёв Э.Г. Геополитический анализ международных проблем современности... С. 128.
- ³⁰ См.: Cohen S.B. Geography and Politics in a Divided World. London, 1964. P. 24.

SUMMARY: There was no complex system of knowledge adequate to the geopolitical theory in the Russian scientific tradition. Each sciences with close to geopolitics subject of research specialized on the narrow enough list of geopolitical problems. It was substantially reflected in process of inclusion of geopolitics in the sphere of the Russian political science.

There are two reasons which make the definition of geopolitics so complicated. First, Russian scientists interpret that science as a combination of two pointes of vie. Secondly, the geopolitics was identified by the Russian researchers both as political practice and as the methodological concept.

It is necessary to define basic foundations of geopolitics. First is the predominance of state in the analysis of the international relations system. The state is key category of geopolitical constructions.

The second important foundation of geopolitics is a recognition that the realization both internal, and external politics of the state determine by geographic space.

The basic foundations should remain constant, but the periphery needs to be reconsidered. It is possible to note three basic directions, which should define all character of the future geopolitical researches:

- refusal from determination in the description of politics of the states;
- the reconsideration of a determining role of geographical space; and
- transition from global geopolitical models to a regional level of the geopolitical analysis.

In totally it would be possible to determine the geopolitics as a science studying the principles of refraction of external and internal politics of the states in geographical space.